

ПОСЕВА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

POSSEV

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire politique et social en langue russe. Allemagne

В НОМЕРЕ: Г. Сельский — Ждать нечего!; К. Глебов — Коммунисты и Тибет; Время судьбоносных решений (речь президента США Д. Эйзенхауэра); А. Светов — Два фронта; Л. Бекк — Душители науки; Б. Литвинов — Границы ночи.

Адрес редакции и издательства: Verlag „Possev“—Frankfurt/Main, Merianstraße 24 а
Представительство редакции Берлине: „Possev-Vertriebung“—Berlin-Grünwald, Hohenzollerndamm 59-60

Выходит по воскресеньям

Цена отдельного номера в розничной продаже 70 пф.

IX ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 26 АПРЕЛЯ 1953 г.

№ 17 (363)

ЖДАТЬ НЕЧЕГО!

В прошлом номере «Посева» был напечатан рассказ о том, как оккупационная армия в Германии встретила известие о болезни и смерти Сталина. Сегодня даны сообщения об этом из Москвы, провинции и тоже из оккупационной армии.

Эти сообщения говорят о настроении вообще народа, не его организованной и революционно борющейся части. Но и без какой-либо организации народ повсюду, от Эльбы до Курильских островов, в дни болезни и смерти Сталина был одинаково взволнован, возбужден и нетерпеливо ждал больших событий. «Посев» так и писал в те дни: «С тревожным волнением принимает народ сообщения... Жизнь страны приостановилась, замерла; главная тема, первая мысль у всего народа — что будет?..» «Вся наша родина встрепетулась, застыла в как будто затаила дыхание...» Сходное чувство смерти Сталина вызвала и во всем мире.

Новые захватчики власти пытаются успокоить волнение народа и удовлетворить его ожидание паллиативными мерами, куцыми подачками. Но паллиативы в критические времена не помогают. Пружина народного нетерпения, которую могло, психологически, сдерживать одно имя Сталина, начала развертываться — и никакие усилия усеченной коммунистической власти её не удержат.

16 апреля президент США Эйзенхауэр четко выразил отношение свободного мира к коммунизму. Трезво оценивая нынешнее положение, Эйзенхауэр указал на три перспективы, стоящие перед всем миром и в частности перед нами: атомная война, продолжение гонки вооружений и общего напряжения, или — отказ правителей СССР от коммунизма. Свободный мир не верит обманчивым манёврам сталинцев и Эйзенхауэр по существу предъявил им ультиматум, так как ни атомной войны, ни усиления напряжения они выдержать не могут. Если они попытаются, при нынешнем настроении народа, увеличить гнёт внутри страны, они будут сметены народным возмущением. Но так как отказаться от «построения коммунизма», а поэтому и от своей власти, они тоже не могут, они будут сметены всё равно, при любых обстоятельствах.

Мы неоднократно говорили об этих же перспективах, заявляя, что ждать от коммунистической власти нечего и надеяться нам не на кого, кроме как на самих себя. Заявляя это, мы призывали к борьбе с властью. И сейчас, как никогда раньше, наши призывы приобретают особую силу.

Им должен внять каждый. Наши генералы и адмиралы, солдаты и офицеры, ответственные работники государственного аппарата, ученые, люди литературы и искусства, инженеры, техники, педагоги, простые служащие, рабочие и крестьяне — все, кто не связал себя окончательно с преступным коммунизмом, все, чьим трудом и творчеством пользуется кучка заправил КПСС, должны дать себе ясный отчет в том, что именно сейчас пришла пора сказать своё веское слово и реализовать свою волю.

Паровоз коммунизма, которому сулили «в коммуне остановку», выдохся. Его пары иссякли и идейно, и политически. Дальше — неминуемое крушение и выброс на свалку. И каждый, кто пытается еще цепляться на его подножке, обречен.

Сейчас создалось положение, напоминающее положение в октябре 1917 года. Тогда Ленин «подобрал» в России власть, «валявшуюся в грязи». Сейчас инициатива в мире лежит беспризорной. Одряхлевший коммунизм утратил её и больше в свои руки не возьмет.

На другой, демократической стороне есть люди, пытающиеся взять эту инициативу, но они отягощены грузом старых, изжитых настроений, еще не сброшенных свободным миром с плеч. Им мешают и всяческие «мостостроители», и люди, боящиеся, «как бы чего не вышло», и привыкшие мыслить лишь в рамках устаревших норм.

У нас нет этого груза — и есть неисчерпаемые силы, пока скованные коммунизмом. Перед нами — необозримые возможности творческой, созидательной жизни. Устраивать жизнь на здоровых, живых основаниях — это ли не перспектива?!

Для этого нужно выбросить на задворки гнилую мертвечину «учения Маркса-Ленина-Сталина», все его окостеневшие догмы — заодно с их носителями, сталинскими последышами. Для этого каждому россиянину ежечасно, ежеминутно надо бороться за раскрепощение от коммунистических пут, за освобождение своей и всенародной творческой энергии.

Под лежачий камень вода не течет. Национально-Трудовой Союз писал 4 марта с. г. в «Обращении к армии и народу»: «Ждать нечего! Все силы — на борьбу за свободу народа!»

Народ ждет, когда его наиболее активные, творческие силы поднимутся на открытую борьбу. Без борьбы не обойтись, победа достается только в борьбе. Победа — в новой, свободной России!

Г. Сольский

ПО СТРАНЕ

Настроение народа в дни смерти Сталина

В МОСКВЕ И ПРОВИНЦИИ

Приводим выдержки из донесений, поступивших из Москвы и провинции, о настроениях в дни болезни и смерти Сталина:

«Были слухи, что Сталин умер не 5 марта, а 2 или даже раньше. Во всяком случае, уже 2-го среди руководящих работников наблюдалась повышенная нервность, заставлявшая предполагать, что случилось что-то необычное. 3-го марта многих высших работников в министерствах не было и возник слух о том, что в Кремле случилось что-то из ряда вон выходящее. 3-го марта вечером уже начали говорить, что случилось что-то со Сталиным и настроение немедленно поднялось. Утром стало известно о тяжелой болезни и бессознательном состоянии Сталина — с этого времени никто ни о чем другом уже не говорил и занятия фактически прекратились.

Все были поражены, потрясены известием; возникло большое напряжение. Каждый старался показать свою скорбь, но не было видно ни действительно мрачных, ни веселых лиц. В разговорах с друзьями, а иногда и с просто знакомыми людьми, одной из главных тем была тема о возможности значительных неожиданностей, но ничего сколько-нибудь определенного по этому поводу не говорилось: все чего-то ждали и были сильно возбуждены, а не печальны или веселы.

Близкие люди говорили между собой об установлении особого контроля в учреждениях, о возможности обысков и арестов. По проверенным сведениям знаю, что МГБ было приведено в состояние готовности по первой тревоге; в войсковых частях были отменены отпуска и увольнения из расположения части. Однако, арестов в дни болезни и смерти Сталина не было. Но настроение было таково, что все напряженно ожидали, полагая, что должно произойти что-то необычное...»

Из провинции сообщают: «Когда, рано утром, радио передало первое сообщение

о болезни Сталина, сразу же возникло большое возбуждение. Многие знакомые между собой люди поспешили сообщить друг другу новость. Первым вопросом при встречах вообще было: слышали? В учреждениях, на заводах у нас работа прекратилась: каждый только делал вид, что работает и никто никого не торопил, не подгонял. Начальство вело себя одинаково со всеми: тоже было озабочено, нервничало и не знало, как себя вести. Радующихся, как и огорченных лиц не было видно; люди делали вид, что огорчены, а в действительности все были возбуждены и смотрели друг на друга так, как будто теперь должно обязательно произойти что-то невероятное.

На нашем заводе парторганизация хотела провести собрание по поводу сообщения о болезни Сталина, но, учитывая возбужденное состояние людей, не решилась. Позвонили в райком — оттуда тоже ничего не могли сказать и посоветовали позвонить в Обком, — первый секретарь райкома, оказывается, находился в Обкоме с самого раннего утра, со времени передачи сообщения. Позже я узнал, что все главные руководящие работники области целый день толклись в Обкоме, но даже не совещались, а тоже чего-то ждали. Из Обкома долго ничего не отвечали нашему парторгу, потом заявили, что собрание созывать преждевременно.

Милиции был дан приказ: не допускать скопления людей на улицах, у ворот завода; следить за людьми у кино, у заводского клуба. Появились милицмейские патрули, но вид у них тоже был совсем не воинственный, а скорее растерянный или недоумевающий: очевидно, не знали, как себя вести.

Все эти дни по вечерам рабочие, служащие нередко собирались по домам группами, но обсуждения возможных последствий болезни и смерти Сталина почти не было: людям, очевидно, просто слишком трудно было пережить напряжение в одиночку; вместе с тем говорить что-либо определенное и не решались, и